

Юрий Буреве

ГЛУБИНА ЗАЛЕГАНІЯ
ЛЮБИ МЕНЯ ДО СМЕРТІ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Буреви

Глубина залегания

<https://litres.ru/73476921>

SelfPub; 2026

Аннотация

Отношения, которые забыты, вспыхнули в локации кафе и превратились в один бурный роман...

Что делать, когда единственный способ почувствовать себя живым это причинять друг другу боль?

Роман, где секс это форма войны, деньги самая надёжная ловушка, а лед Патагонии последнее прибежище для тех, кто задыхается в объятиях.

Игорь, талантливый инженер с душой поэта, мечтает лишь о тишине. Но тишину в его жизни покупают две женщины.

Вероника, миллионерша в ватнике, хочет приручить гения, чтобы заполнить пустоту своих пентхаусов. Мария, амбициозная галеристка, видит в нём лишь выставочный экспонат для своей коллекции успехов.

Это история не о любви. Это вскрытие. Вскрытие отношений, где каждая ласка это удар, каждый поцелуй расчёт, а оргазм способ поставить печать собственности.

Готов ли ты заглянуть в разрез?

Все совпадения случайны.

Содержание

Пролог: Утро после	4
Часть I: Обнажение пластов	7
Глава 1: Мраморная гладь	8
Глава 2: Призрак в отражении	13
Глава 3: Порода	19
Глава 4: Импульс	25
Глава 5: Землетрясение	29
Глава 6: Грунт	34
Глава 7: Давление	39
Глава 8: Звонок	43
Глава 9: Нейтральная территория	47
Глава 10: Керн	53
Глава 11: Ритм	58
Глава 12: Предложение	63
Глава 13: Чёрный ход	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юрий Буреве

Глубина залегания

Пролог: Утро после

Солнечный луч, холодный и острый как лезвие, впился в щель между шторами и ударил Веронике прямо в глаз.

Она застонала, резко перевернулась на спину – и тут же пожалела. Всё тело ныло, как одна большая разбитая мышца. Особенно бёдра. И особенно – глубокая, смутная ломота где-то внутри, в самом нутре, которое ещё помнило вчерашнюю грубую, безликую силу. Анус навязчиво ныл, напоминая о каждом резком толчке сзади, о хриплых командах незнакомца в полутьме подсобки бара.

Как его звали? Сергей? Хуян? Блядь, Слава?

Мысль проскочила и растворилась в тяжёлой пустоте башки.

Имели значение только твёрдые ладони, впившиеся в её бёдра, запах дешёвого виски и дорогого табака, смешанный с её парфюмом, и это освобождающее чувство, когда ты – просто тело. Красивое, удобное, временное тело. Без прошлого. Без будущего. Просто станок.

Она потянулась к тумбочке, нащупала холодный телефон. Экран вспыхнул, осветив спальню белым, безжалост-

ным светом. Уведомления. Пропущенные. Ничего важного. Ничего от него.

Она повела глазами по комнате. На спинке кресла висело чёрное платье, смятое в тряпку. На полу, как отметины чужого вторжения, валялись её же вещи: чёрные кружевные трусики, порванные сбоку, и бюстгальтер с блестящей застёжкой. Лежали на идеальном паркете, как улики с места преступления, в котором не было ни преступника, ни жертвы.

Вероника села на кровать. Одеяло сползло, обнажив кожу в бледных пятнах – отпечатки пальцев на талии, синяк на внутренней стороне бедра. Она провела по ним ладонью. Кожа отозвалась глухим эхом вчерашней боли-наслаждения. Хорошо. Значит, ещё жива.

Она поднялась и босиком пошла в ванную, переступила через своё порванное бельё. В зеркале на неё смотрело красивое, холодное, абсолютно пустое лицо. Вчерашний макияж размазался, оставил тени под глазами и размытую алую полосу губ. Волосы из безупречной волны превратились в хаос. Она была разобрана на части. Как её квартира после вечеринки, про которую все забыли.

Она открыла кран, пустила ледяную воду – до хруста в костях, – и стала смывать с себя следы того, чьё имя не помнила. Вода жгла кожу, смывая запах чужих рук, чужого пота. Но то, что было глубже, – тёплая, навязчивая, ноющая пустота – оставалось. Тело помнило крепче головы.

Телефон на раковине завибрировал. Она глянула одним глазом. Помощник. «Вероника Александровна, совещание через час. По вопросу карьера. Все готово».

Зеркало снова показало ей отражение – уже чистое, мокрое, готовое к новому дню. Она умела собирать себя по кусочкам. Превращать утреннюю разбитость в холодную целеустремлённость, а ночную боль – в стальную хватку. Но где-то там, под слоем кремов, под идеальным костюмом, под маской безразличия, оставалась эта тёплая, тёмная, ноющая пустота. Последнее напоминание, что она ещё может что-то чувствовать. Даже если для этого нужно было позволить незнакомцу в баре использовать её тело как расходник.

Она вытерлась жёстким полотенцем, до боли растёрла кожу в промежности, посмотрела в окно. Город внизу был чист, безразличен и прекрасен. Его нужно было завоевать. Но сначала надо было одеться. Надеть платье, как принято у людей. И выбросить в мусорку это порванное чёрное кружево на полу – немого свидетеля последней попытки почувствовать что-то настоящее, прежде чем нырнуть в мир, где реальны только контракты, власть и холодный блеск победы.

Часть I: Обнажение пластов

Возвращение прошлого, взрывная встреча, установление опасных правил.

Глава 1: Мраморная гладь

Дождь стучал в панорамное окно монотонным, усыпляющим ритмом. За стеклом Москва растворялась в октябрьских сумерках – расплывчатые огни реклам, фары машин, растянутые в мокрые полосы, чёрные ветки голых деревьев. Внутри было тихо, тепло и идеально сухо.

Конференц-зал бюро «Вертикальный сад» был образцом той самой эстетики, которую фирма продавала клиентам: контроль над хаосом природы. Бетонная стена с призрачным рельефом, стеклянный стол, холодный как лёд, и главный акцент – живая стена из стабилизированного мха разных оттенков оливкового и серого. Она не росла, не менялась, не требовала воды. Просто была. Вечный, безопасный, дорогой кусочек природы в законсервированном виде.

Вероника откинулась в кресле, пальцы с коротким, безупречным маникюром тихо постукивали по стеклянной поверхности. Её взгляд, серый и внимательный, как сканер, был устремлён на мужчину напротив – подрядчика по граниту.

«Итого, задержка по поставке сланца на объект “Парк на набережной” – две недели, – говорил он, слегка ёрзая. – Вы на поставщика, мы тут ни при чём, но, понимаете, форс-мажор...»

«Ваш поставщик – ваш выбор и ваша ответственность,

Алексей Викторович, – её голос прозвучал ровно, без повышения тона, но в комнате будто похолодало. – Пункт 4.3 контракта. Каждая просроченная неделя – три процента от стоимости этапа. Две недели – шесть. Либо вы находите ему адекватную замену в течение трёх дней, и мы обсуждаем снижение штрафа до двух процентов, либо мы действуем по договору. И ищем нового подрядчика на следующий объект».

Она сделала паузу, дав цифрам осесть в воздухе. Не ждала ответа. Поднялась с кресла, поправив безукоризненную складку на брюках тёмно-синего костюма. Силуэт был бескомпромиссным – узкая талия, прямые плечи, никакой лишней мягкости.

«Пришлите мне варианты замены до конца дня. Хорошего вечера».

Её уход был не обсуждением, а констатацией факта. За спиной она слышала, как Алексей Викторович сгоряча что-то пробормотал, а её менеджер проекта, юная Даша, зашептала ему что-то успокаивающее. Уважают и немного побаиваются. Этот микс был её рабочим топливом. Он заменял многое.

Дверь в её кабинет закрылась с тихим щелчком, отсекая шум. Здесь было ещё тише. Та же эстетика, но с добавлением личных трофеев: дипломы на стене, эскизный проект, получивший премию, фотография небоскрёба в Дубае, где её зелёная стена занимала три этажа. Ни одного личного фото. Ни одного намёка на жизнь вне этих стен.

Вероника сбросила пиджак на спинку кресла, села. Тишина давила ушами. Она взяла телефон, и пальцы сами, на автомате, потянулись к иконке приложения. Чёрно-белая картинка, стильная, как всё в её жизни.

Несколько непрочитанных сообщений. Анкеты всплывали, как знакомые призраки. Максим, 42, совладелец IT-стартапа. Фото в альпинистском снаряжении на Эльбрусе. «Привет, Вероника! Увидел твой профиль – не могу не написать. Ты выглядишь потрясающе. Люблю умных и успешных женщин. Может, выпьем кофе? Обсудим твои проекты и мои восхождения?» Следующий. Кирилл, 45, адвокат. Фото в дорогом костюме на фоне яхты. «Вероника, здравствуйте. Прочитал ваше интервью в глянце. Впечатлён. Ищу партнёра для посещения закрытой выставки современного искусства в четверг. Буду рад составить вам компанию».

Она листала их с лёгким, привычным отвращением. Всё правильно. Всё по шаблону: статус, достижения, намёк на ресурсы. Они говорили на её языке – языке сделок. Даже предложение «выпить кофе» звучало как начало переговоров. Её последний, Кирилл-адвокат, был таким же. Хорошо одет, пахнул дорогим парфюмом, в постели... старался. Было технично, даже утончённо. Но на третьей неделе, после секса в его пентхаусе с видом на Москва-Сити, он начал рассказывать про виллу в Андалусии, куда «было бы здорово съездить вдвоём весной». Она смотрела на его идеальный профиль на фоне ночных огней и чувствовала лишь ледяную

пустоту. Наутро она отправила лаконичное сообщение: «Кирилл, спасибо за время. Я поняла, что не готова к чему-то большому. Всего наилучшего». Он обиделся, назвал её «эмоционально недоступной». Возможно, он был прав.

Её схема была отлажена до автоматизма. Привлекать (это происходило само собой – её холодная красота и аура успеха работали как магнит). Контролировать (место, время, степень близости). Получать физическое облегчение – вот тут таилась её постыдная, тщательно скрываемая слабость. Ни один из этих Максимов и Кириллов даже не догадывался, какая буря могла случиться в этой идеальной, мраморной натуре, если бы контроль дал слабину. Она сама редко себе в этом признавалась, глуша мысли шумом совещаний и звонков. Отдаляться – до того, как партнёр успевал рассмотреть трещины в её броне.

Её тело было укреплённой территорией. Красивой, но закрытой для свободного посещения. Доступ – по пропускам, с чётким регламентом.

Она выключила телефон, отложила его в сторону. Звук был глухим и одиноким. Взгляд снова упёрся в окно. Дождь усиливался. Успех, как этот кабинет, был тяжёлой, невероятно красивой бронёй. Она сидела внутри, в полной безопасности. И в полной, оглушительной тишине. В голове пронеслась мысль, знакомая, как собственное отражение: «Всё на месте. Карьера, деньги, уважение. Всё как надо. Почему так... тихо?»

Тишину нарушил мягкий гудок планшета – напоминание. «Встреча с Артёмом и Ликой. Кафе “Эспresso”, 20:00». Она вздохнула. Ещё один элемент имиджа. Успешные люди после работы обсуждают успешные дела в успешных местах. Призрак идеальной жизни требовал регулярных подношений.

Вероника встала, подошла к зеркальной панели встроенного шкафа. Поправила белую шёлковую блузу, отвела со лба непослушную прядь пепельных волос. Отражение смотрело на неё холодным, усталым взглядом чужака. Она натянула пиджак, взяла сумку – гладкую кожу без единого намёка на лишний декор.

«Встречаться с призраком своего идеального бытия», – мелькнула в голове горькая мысль. Она гасила её, как датчик пожарной сигнализации. Плечи расправились, подбородок приподнялся. Маска легла на место – бесстрастная, уверенная, безупречная.

Она выключила свет и вышла из кабинета, оставив позади тишину, мох, отражение в стекле и ту самую пустоту, которую не могли заполнить ни контракты, ни штрафные проценты, ни мужчины с правильными анкетами. Впереди был вечер, дождь и случай, который ждал её за столиком у окна, в образе человека из другого времени, пахнущего ветром, пылью дорог и мокрой шерстью.

Глава 2: Призрак в отражении

Кафе «Эспresso» было антиподом её кабинета. Здесь царил не контролируемый минимализм, а хаотичное, дышащее тепло. Гул десятков голосов сливался в сплошной, убаюкивающий фон. Воздух был густым от аромата свежемолотых зёрен, распаренного молока, сладкой выпечки и влажной шерсти – посетители снимали мокрые пальто, и от них шёл лёгкий, домашний запах псины. Свет – тёплый, жёлтый, падающий от винтажных ламп – смягчал черты лиц, делал всё немного нерезким, как в старом фильме.

Вероника сидела у самой витрины. За её спиной кипела жизнь зала, перед ней – театр улицы, залитой дождём. Стекло отделяло одно от другого, как аквариумная перегородка.

«...и вот он говорит, мол, ваш ландшафтный эскиз не учитывает коэффициент эмоционального восприятия урбанизированной среды! – Артём, её партнёр, архитектор лет сорока с ироничными глазами, размахивал вилкой с куском тирамису. – Я ему: “Дружище, твой коэффициент нам на гландах! У нас тут дренажную систему рассчитать надо, а не эмоции мерить!”»

Лица, стилист и подруга, звонко рассмеялась, запрокинув голову. «Боже, какие люди! А чем всё кончилось?»

Вероника поднесла к губам бокал красного. Вино было плотным, терпким, но вкус казался плоским. Она кивала в

такт словам Артёма, изредка вставляя «конечно» или «невероятно». Её мозг был занят другим – он вяло перемалывал обрывки рабочих мыслей, цифры из дневного отчёта, безразличное наблюдение за каплями, стекающими по стеклу. Она была здесь телом. Умом – в той тихой пустоте своего кабинета, только теперь наполненной чужим смехом и клубным теплом.

«Вер, а как там твой тендер на бизнес-центр в этом, как его...? – спросила Лика, поворачиваясь к ней. – Говорят, конкуренция бешеная».

«Идёт, – автоматически ответила Вероника, ловя в отражении в окне свою бледную, уставшую тень. – Коммерческое предложение сильное. Но всё решит не оно, а кто кому какую яхту на день рождения подарил». Она произнесла это с привычной, циничной усмешкой, которая здесь считалась признаком «трезвого взгляда на жизнь».

Артём что-то парировал, снова шутил. Её взгляд, скользя по тротуару, выхватывал фрагменты: чёрное пальто, синий зонт, пятно жёлтого дождевика ребёнка, спину курьера в оранжевом жилете. Дождь, зонты, спешка. Бесконечный, однообразный поток. Она уже почти полностью отключилась, плывя в этом полусне, когда поток разорвался.

Дверь кафе открылась, впуслав порцию холодного, влажного воздуха и уличного шума. И вошёл он.

Он не вписывался. Совершенно. Не вписывался в тёплую, благоухающую кофе и ванилью атмосферу, как зуб ма-

монта в коллекцию фарфора. Мужчина. Высокий, плечистый. На нём была куртка-аляска, когда-то, наверное, зелёная, а теперь выцветшая до грязно-серого, землистого оттенка. Ткань на локтях и плечах лоснилась от долгой носки, замок чуть заедал. Через плечо – старый, объёмный рюкзак цвета хаки, в нескольких местах аккуратно заштопанный прочной ниткой, запачканный чем-то вроде глины или сажи. Лицо... лицо было не уличных рабочих и не офисных менеджеров. Оно было обветренным, загорелым в осенней Москве, с сеткой мелких, лучистых морщин у глаз – следы постоянного прищура на солнце или на ветру. Короткая, колючая щетина тёмно-русого цвета с проседью. Но не это било в глаза. Осанка. Прямая, без вызова, просто прямая спина, как у человека, который привык нести тяжёлый рюкзак на большие расстояния и знает, что сутулость отнимет силы. Движения – экономные, точные. Он выглядел так, будто случайно сошёл с поезда, следующего из 2007 года, или из глухой таёжной экспедиции, что, в общем, было одно и то же.

Вероника замерла. Бокал, который она как раз подносила ко рту, остановился в воздухе. Время сперва замедлилось, потом, кажется, вовсе остановилось. Звуки кафе – смех Лики, гул голосов, шипение кофемашины – ушли в пустоту, их заглушил нарастающий, гулкий стук в висках.

Не может быть.

Сначала – чистое, животное неверие. Галлюцинация от усталости и плохого вина.

Потом – удар. Физический, почти тошнотворный. От солнечного сплетения вверх волной прокатился жар, обжигающий, стремительный. И сразу же вслед – ледяной, пронизывающий до костей холод. Сердце не забилося, а рухнуло в таз, отозвавшись глухими, тяжёлыми ударами где-то в горле, в ушах. Она физически боялась, что его услышат.

Это был не просто бывший. Бывших много. Это был осколок. Осколок другой планеты, другой жизни, которую она когда-то отрезала, как ампутируют конечность. Той жизни, где её руки были в глине, а не в креме для рук; где пахло не офисным кофе, а дымом костра, хвоей и мокрым брезентом палатки; где главным капиталом было не число на счету, а ощущение, что ты стоишь на краю карьера, ветер бьёт в лицо, и весь мир, дикий и непокорный, лежит у твоих ног.

Её взгляд, против её воли, выхватывал детали, как сканер. Руки. Засунутые в карманы куртки, но перед этим мелькнувшие – крупные, с широкими ладонями, с белыми трещинками на красной, огрубевшей коже костяшек пальцев. Руки, которые могли разбить палатку на камнях и сорвать для неё ветку таёжной жимолости. Взгляд. Он скользнул по залу – не в поисках свободного столика, а бегло, оценивающе, как сканируя местность. Прошёл по их столику... и на долю секунды, одну сотую, зацепился. За неё. В этих глазах, цвета мокрого сланца, не было узнавания. Был вопрос. Лёгкое, мимолётное удивление. Или ей показалось.

Внутри у неё всё оборвалось и полетело в тартарары. Мыс-

ли неслись обрывками, не складываясь в слова. Игорь. Это Игорь. Он... постарел. Он здесь. Зачем? Он не может быть здесь. Он исчез. Он должен быть на Колыме или в Якутии, в вечной мерзлоте, там его место. Не здесь. Не среди стекла и капучино. Не в моей жизни. Его здесь не должно быть.

Инстинкт самосохранения, отточенный за десять лет, сработал быстрее сознания. Она резко, почти судорожно, отвела взгляд, уткнувшись в ламинированное меню. Буквы плыли перед глазами, сливаясь в чёрные червячки. «Латте с сиропом... раф с кардамоном... круассан с миндальным кремом...» Бессмыслица. Она чувствовала, как мелкая, предательская дрожь пошла от кончиков пальцев, сжимающих бокал, вверх по рукам. Боялась, что бокал выскользнет.

«Вер, ты как думаешь? – услышала она голос Лики, будто из-под воды. – Вероника? Ты меня слышишь?»

Она заставила себя поднять голову. Улыбка, которую она натянула на лицо, казалась ей чудовищной, кривой маской.

«Да... да, – её собственный голос прозвучал чужим, плоским. – Прости, отвлеклась. Курс валют, говоришь? Проклятие».

Лица на мгновение прищурилась, изучающе глянула на неё, но Артём уже подхватил нить, снова что-то рассказывая про Центробанк. Вероника кивала. Смотрела на Лику, на Артёма, а краем зрения, как на периферии гибельного провала, видела его. Он стоял у стойки, сказал что-то бариста, достал из кармана куртки смятые купюры. Его профиль

на фоне медных чайников и стеллажей с чаем был резким, несовременным.

Весь её отлаженный, выверенный по миллиметрам мир – с его контрактами, стратегиями, безопасными связями и красивой, тяжёлой бронёй – только что дал оглушительную, невидимую для других трещину. И сквозь неё со свистом затягивало ледяной ветер из прошлого, пахнувший дождём, хвоей и тоской по чему-то безвозвратно утерянному.

Глава 3: Порода

Город давил. Не высотой зданий – к высотам Игорь привык в горах. Давил шумом. Сплошным, немислимым гулом, в котором нельзя было выделить ни одного отдельного звука: гул машин сливался с гулом голосов, музыкой из наушников прохожих, воем ветра в каменных ущельях улиц. Воздух был густым и горьким – выхлопы, пыль, чужая еда. После якутской тишины, где за километр слышно, как падает шишка, и воздуха, настолько холодного и чистого, что он резал лёгкие как лезвие, Москва ощущалась как душная, шумная камера.

Игорь стоял у стойки в «Эспрессо», чувствуя себя нелепо. Его грубая, пропахшая дымом костра и машинным маслом куртка казалась здесь кощунством. Он заказал «с собой», голос прозвучал низко и хрипло – от долгого молчания в дороге, от усталости.

«Семьдесят, пожалуйста», – сказала бариста, девушка с яркими волосами и пустым взглядом. Он достал из кармана смятые купюры, разгладил их пальцами, грубыми и потрескавшимися от мороза и работы с породой. Руки казались чужеродными, грязными на фоне блестящего хрома и глянца.

Он был здесь проездом. Промежуточная точка между бескрайней якутской тайгой, где они два месяца бурили разведочные скважины, и институтом в Санкт-Петербурге, куда нужно было сдать тяжёлый рюкзак с образцами – керны, ско-

лы, пачки завёрнутых в бумагу камней. Москва была просто пересадкой, шумным, неудобным узлом. На завтра у него был билет на «Сапсан». Ночь он планировал провести в дешёвой гостинице у вокзала, пахнувшей хлоркой и тоской.

Пока бариста делала кофе, его взгляд, отвыкший от необходимости фокусироваться на близких, мелких объектах, бесцельно блуждал по залу. Мелькали лица. Гладкие, ухоженные, озабоченные своими маленькими, непостижимыми для него делами. Кто-то тыкал в телефон, кто-то громко смеялся, демонстрируя белые зубы. Мир мягких кресел, капучино с рисунками и тирамису. Чужой мир.

И тогда он увидел их. Столик у окна. Трое. Двое – мужчина и женщина – говорили, жестикулировали. Третья – сидела, откинувшись на спинку стула, держа в руках бокал. Женщина. Красивая. Дорого и строго одетая. Пепельные волосы уложены в идеальную, небрежную волну. Профиль – чёткий, холодный. Она смотрела куда-то мимо собеседников, в окно, и уголок её губ был слегка приподнят в вежливой, абсолютно пустой полуулыбке. Она что-то сказала, и её собеседник засмеялся. Она в ответ откинула голову назад, коротким, знакомым жестом, который был не смехом, а его точной, отрепетированной имитацией.

Щелчок. Тихий, но отчётливый, как щелчок замка геологического молотка.

В мозгу что-то сдвинулось, со скрипом, будто пласты породы.

Вероника?..

Сперва – отказ. Невозможно. Абсурд. Какая Вероника? Та Вероника осталась там, в прошлом, запёртом в дальнем ящике памяти вместе с запахом студенческого общежития, дешёвым вином и пыльными полешками.

Нет. Да. Чёрт. Она.

Время, десять лет, сжались в точку, а потом с грохотом расправились. Он замер, не в силах отвести взгляд. Он сознательно стёр те годы. Геология стала не просто профессией, а побегом, способом существования. Вечная дорога, палатка, костёр, молоток в руках и безмолвный диалог с камнем. Это был ясный, простой мир, где всё подчинялось физическим законам, а не запутанным человеческим эмоциям. Там не было места для призраков.

И вот он, призрак, материализовался. Но это был не его призрак. Не та Вероника, которая могла проползти с ним по сырому штреку заброшенной шахты, смеясь, что у неё во всех карманах глина. Перед ним сидела статуя. Идеальная, холодная, отполированная до ослепительного, зеркального блеска. Мрамор. Дорогие часы тонким ремешком обвивали изящное запястье. Взгляд... её взгляд скользнул по нему минутой назад, промелькнул по его потрёпанной куртке, и он увидел в нём не вспышку, а пустоту. Быстрое, машинальное сканирование объекта, не представляющего интереса, и возврат к важным вещам – вину, разговору, своему отражению в окне.

Внутри у него что-то оборвалось и тут же вспыхнуло жгучим, противоречивым коктейлем. Щемящая ностальгия – тупая боль где-то под рёбрами, воспоминание о смехе у костра, который был настоящим. Злость – резкая, бессмысленная. На неё? За этот блеск, за эту холодную недосыгаемость? Или на себя – за то, что вообще это увидел, за то, что какая-то часть в нём отозвалась? И поверх всего – дикое, животное любопытство. Что скрывается под этим гляncем? Там ещё жива та девчонка? Или осталась только пустота, заполненная деньгами?

«Эспрессо с собой!» – позвала бариста, поставив маленький стаканчик на стойку.

Звук вернул его в реальность. Он взял стаканчик. Картон обжигал пальцы, но это было хорошее, простое ощущение – жар. Он повернулся, спиной к стойке, и его взгляд снова нашёл её столик. Она смотрела в меню, слишком напряжённо, будто изучала древнюю рукопись.

Он мог бы подойти. Сделать шаг, десять шагов через зал. Сказать: «Привет, Вероника. Давно не виделись». Увидеть, как на её идеальное лицо нальётся краска смущения или, что хуже, вежливой, ничего не значащей улыбки. Услышать фальшивые восклицания: «Боже, Игорь! Какая встреча! Что ты тут делаешь?» Потом представление этих гладких людей. Неловкий разговор о «делах». Его бы спросили, чем он занимается. «Геолог». И в ответ получил бы кивок, за которым скрывалось бы лёгкое недоумение: «А... интересно». И всё.

Он был бы грязью с сапог, нечаянно занесённой в этот стерильный, благоухающий мир. Он увидел в её мелькнувшем взгляде не радость, а панику. Инстинкт зверя, почуявшего нарушителя границ.

Решение созрело мгновенно, ясно и холодно, как кристалл. Не сейчас. Не здесь. Этому мраморному изваянию не нужны потрескавшиеся руки и запах тайги. А ему не нужны её фальшивые улыбки и жалость.

Он резко развернулся и пошёл не к выходу, а вглубь зала, мимо столиков, мимо смеха и говора, к тёмной деревянной двери с пиктограммой – стилизованный силуэт человечка. Он толкнул дверь, и она поглотила его, захлопнувшись с тихим щелчком, отсекая одно измерение от другого.

На другом конце зала, за стеклянной стеной своего аквариума, Вероника видела, как дверь в мужской туалет закрылась. Мгновенная, оглушительная тишина в её голове сменялась нахлынувшим гулом. Все звуки кафе – смех Лики, звяканье ложек, шипение молока, голос Артёма – вернулись с утроенной, почти болезненной силой. Она почувствовала, как по её спине, под тонкой шёлковой тканью блузы, пробежали мурашки – ледяные, противные.

Он ушёл. Просто ушёл. Не подошёл, не кивнул, не посмотрел по-настоящему. Она только что увидела самое большое, самое болезненное «что если» своей жизни, и оно прошло мимо, даже не взглянув на неё. Оно отшатнулось, как от чего-то чужеродного. Унижение, острое и жгучее, смешалось с

диким облегчением. Спасена. Её мир не рухнул. Он дал трещину, но устоял.

Но где-то глубоко внутри, под толстыми, годами наращенными слоями мрамора, бетона и самоконтроля, что-то шевельнулось. Что-то тёплое, живое, давно уснувшее и очень, очень опасное. Оно не кричало. Оно просто пошевелилось, как зверь в спячке, потревоженный близостью знакомого запаха. И этого уже было достаточно, чтобы идеально отполированная гладь дала едва заметный, внутренний скол.

Глава 4: Импульс

Дверь захлопнулась с тихим, но безжалостным щелчком. Этот звук отрезал. Отрезал живую, дышащую плоть воспоминания от холодной, неопровержимой реальности. Игорь исчез.

Вероника сидела, как влитая в стул. Её поза оставалась идеальной – прямая спина, колени сомкнуты, рука с бокалом на столе, – но внутри всё превратилось в бешеный, неконтролируемый вихрь. Тело онемело, зато сознание, обычно такое дисциплинированное и упорядоченное, взбунтовалось, выплёскивая обрывки мыслей, как обломки после взрыва.

Он меня не узнал. Узнал, но сделал вид. Сделал вид, что я – пустое место. Мебель. Он посмотрел и отвёл взгляд, как от чего-то незначительного, неприятного. Он презирает меня. За этот костюм. За этот бокал. За этот весь проклятый, вылизанный до блеска мир.

Жар стыда и унижения подкатил к горлу, глоточками. Она машинально сделала глоток вина, но оно было теперь похоже на уксус.

А я презираю себя. Сажу здесь, в этой клетке из собственного успеха, и смотрю, как единственное живое, что пришло из той, настоящей жизни, уходит. Опять. Как десять лет назад. Он уйдёт сейчас, выйдет из кафе, растворится в дожде, и это «что если» – самое большое, самое мучительное «что

если» всей моей жизни – снова станет призраком. Навсегда.

Её взгляд, остекленевший, упал на Артёма и Лику. Артём что-то рассказывал, размахивая руками, явно довольный своей историей. Лика, подперев щеку ладонью, смотрела на него снизу вверх, улыбаясь тем лукавым, заинтересованным взглядом, который, вероятно, предварял что-то большее, чем дружеские посиделки. Их мир в этот момент казался Веронике плоским, как открытка. Безопасным, предсказуемым, удобным. Фальшивым до тошноты. Их смех прозвучал для неё пронзительно, почти оскорбительно. Они были здесь, в тепле и уюте, а её выбросило в ледяной океан прошлого, где её ждало и манило одно-единственное, полуразрушенное судно.

Тело начало подавать сигналы бедствия раньше, чем мозг успел их обработать. Ноги под столом стали дрожать мелкой, неконтролируемой дрожью. Ладони вспотели. Дорогой шёлк блузы под пиджаком вдруг стал казаться невыносимо тесным, врезающимся в кожу, как верёвка. Её дыхание участилось, стало поверхностным.

Это был не осознанный план. Не расчёт. Это был чистый, первобытный импульс. Он зародился глубоко внизу, в том самом тёплом и опасном месте, что пошевелилось минуту назад, и рванул вверх, сметая все барьеры разума, приличий, страха. Он был красным, горячим и состоял из одного слова: НЕТ.

Нет. Не так. Не сейчас. Не может всё кончиться этим

взглядом и захлопнутой дверью. Не может.

«Вы уж извините, мне... нужно в дамскую. Позвонить», – прозвучал её собственный голос. Он показался ей исходящим откуда-то со стороны, плоским и чужим, как голос автоответчика.

Она встала так резко, что стул скрипнул, отъехав назад, а белая льняная салфетка соскользнула с её колен и упала на пол. Она даже не посмотрела на неё.

Артём, прервавшись на полуслове, лишь кивнул, его мысли явно были ещё там, в его истории. «Конечно, Вер, не пропадай долго».

Она не пошла. Она поплыла. Пол под ногами казался зыбким, ненадёжным. Её каблуки отстукивали чёткий, быстрый ритм по деревянному полу, но она не управляла ими. Её ноги несли её сами. Мимо столиков, мимо витрины с пирожными, мимо стойки, где бариста взбивала молоко.

В конце зала, в тени, была дверь в женский туалет. Её взгляд скользнул по ней и прочь. Цель была другой. Рядом. Та самая тёмная деревянная дверь с простой, стилизованной пиктограммой – чёрный силуэт мужчины.

Её сердце колотилось теперь не просто часто, а с каким-то бешеным, рвущимся наружу грохотом. Казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди и упадёт к её же ногам. Дыхание перехватывало, в горле стоял ком.

Она остановилась перед дверью. Рука, холодная и липкая от пота, медленно, будто против своей воли, поднялась и по-

висла в воздухе, в сантиметре от чёрной металлической ручки. Внутри всё кричало. Часть её – та, что выстроила бюро, подписала сотни контрактов, та, что была «мраморной гладью», – вопила от ужаса. Что ты делаешь? С ума сошла? Вернись! Сядь за столик, выпей вина, посмейся над глупой шуткой Артёма!

Но та, другая – тёплая, живая, опасная, только что разбуженная, – уже взяла верх. Её пальцы сомкнулись на холодной ручке. Механизм подался с тихим скрипом.

Она толкнула дверь и шагнула вперёд, в полумрак, пахнущий хлоркой и чужим. Дверь захлопнулась за её спиной, отсекая последний путь к отступлению.

Глава 5: Землетрясение

Пространство обняло её теснотой, прохладой и запахами. Резкий, химический дух хлорки. Сладковатый, приторный аромат древесного освежителя. И под этим – густая, чуждая мужская аура: пот, влажная ткань, дорожная пыль. Тишину разрывал только один звук – монотонный, навязчивый шум льющейся воды. Из-за двери одной из кабинок кто-то не выключил кран. Вода била о фарфор или кафель, ровно и бесцельно, заглушая любой стук снаружи, любой звук из зала. Этот шум сразу отделил это место от всего остального мира, сделал его капсулой, вне времени и правил.

Он стоял к ней спиной. У раковины. Оперся ладонями о белую столешницу, голова была опущена, плечи напряжены под грубой тканью куртки. Он не пил кофе. Он просто стоял, будто пытаясь отдышаться, переварить удар её появления или собственных мыслей.

В зеркале над раковиной она поймала его взгляд.

Он смотрел на её отражение. И в этих глазах, цвета мокрого сланца, не было удивления. Не было вопроса «что ты здесь делаешь?». Был другой, более сложный оттенок. Ожидание. Тяжёлое, напряжённое. Как будто он знал. Или, в глубине души, надеялся.

Ни слова не было сказано. Ни звука, кроме вечной воды. Она сделала три шага вперёд. Каблуки отчётливо, вызыва-

уже стукнули по кафельному полу, отбивая ритм, не оставляющий места для сомнений. Он повернулся.

Их взгляды столкнулись в зеркале, а потом – вживую. В её глазах не осталось ни паники, ни холодного расчёта, ни той светской маски. Была только тёмная, бездонная, отчаянная решимость. В его – вспыхнула ответная, готовая ярость и тот же немой вопрос, что висел в воздухе: И что теперь?

Она не стала целовать его. Целовать – это для влюблённых, для нежных встреч. Она набросилась. Руки вцепились в грубую ткань его куртки, с силой, о которой сама не подозревала, притянула его к себе. И губы не прильнули, а нашли его губы – в захвате, в укусе, в попытке передать через боль всё, что копилось десять лет: злость, тоску, предательство, пустоту.

Он ответил ей тем же. Грубо, почти болезненно. Его руки обхватили её с силой, от которой хрустнули кости. Одна впилась в её идеальную причёску, срывая шпильки, другая прижала её к себе так, что она почувствовала всю его твердь – рёбра, мышцы, живот, готовую, дикую силу, сдержанную годами скитаний. Он не стал тратить время. Он развернул её и толкнул спиной к стене соседней кабинки. Дверь, не запертая, подалась с глухим стуком. Они влетели внутрь, в полумрак, и она краем сознания слышала, как щелкнул замок. Сработал ли он? Имело ли это сейчас значение? Нет. Её мир сузился до тесноты, до него и до шума воды.

Это не было любовью. Это было землетрясением. Сведе-

ние счётов – с годами, с расстоянием, с её выстроенным из мрамора панцирем и его бегством в вечную дорогу. Одежду не снимали. Её отодвигали, задирали, рвали. Дорогой шёлк её блузы на плече издал короткий, неприличный звук, разрываясь. Дышать было нечем. Воздух стал тяжёлым, насыщенным его запахом – дымом костра, потом, металлом, мужчиной. Она задыхалась, и это было похоже на падение.

И тогда она взяла последний контроль. То, что оставалось в её власти. Она резко развернулась в тесноте, уперлась ладонями в холодную, липковатую стенку кабинки и прогнулась, подавшись вперёд. Дог-стайл. Поза, лишённая лицемерной нежности, поза захвата и использования. Её капитуляция была вызовом. Её отдача – диктатом. Вот она я. Настоящая. Требую твоей грубой силы, чтобы стереть всё. Сотре. Разбей.

Он понял. И ответил той же мерой ярости, в которой сплелись злость на годы разлуки, признание её силы и дикое, неистовое узнавание. В этой тесноте, под слоями порванного шёлка и холодной кожи, которую он помнил другой, он почувствовал знакомый огонь. Тот самый, дикий и неуправляемый, что пылал в глазах девчонки у костра, смеявшейся под дождём. Это была не статуя. Это была её плоть. Живая, обжигающе горячая, отзывающаяся на каждый его толчок судорожным ответным движением, тихим, задушенным стоном, который рвался наружу сквозь стиснутые зубы.

Всё закончилось быстро, взрывно, почти одновременно.

Не с криком, а со сдавленным, хриплым выдохом, общим для них обоих. Скрипом зубов. Краткой судорогой, пробежавшей по их соединённым телам.

Тишина, наступившая после, была оглушительной. Её нарушало только их тяжёлое, свистящее, неровное дыхание и вечное, равнодушное журчание воды из крана. Тела, всё ещё соединённые, обмякли, прильнув друг к другу в тесной кабине, как два израненных, выдохшихся зверя после смертельной схватки.

Первой очнулась Вероника. Ярость отступила, оставив после себя ледяную, тошнотворную пустоту. Реальность вернулась ударом: теснота, вонь, разорванная блуза, он. Она резко, почти отталкиваясь от него, выпрямилась. Руки дрожали так, что она с трудом стянула юбку, поправила лямку лифчика. Не глядя на него. Нельзя было смотреть.

На губах остался вкус – его кожи, соли и чего-то металлического. Крови. Кто-то из них прикусил губу. Она провела тыльной стороной ладони по рту, стирая след.

Пальцы нащупали в кармане пиджака гладкий, твёрдый прямоугольник. Визитка. Не личная, никогда. Рабочая. Чистый, бездушный белый картон с глянцевым логотипом «Вертикальный сад», её именем и номером офиса.

Не глядя, почти швыряя, она сунула карточку в боковой карман его потрёпанной куртки. Уголок впился в ткань. Ни слова. Ни единого взгляда.

Она толкнула дверь кабинки и вышла в основное помеще-

ние туалета. В зеркале над раковиной на неё смотрело чужое лицо: раскрасневшееся, с воспалёнными губами, безумным блеском в глазах, которое не гас даже сейчас. Пепельные волосы выбились из причёски, на плече зияла тёмная дыра на шёлке. Она резко, одним движением, поправила волосы, собрав их в тугой хвост. Не поправишь.

Она вышла из туалета, не оглядываясь. Дверь захлопнулась, оставляя за спиной тесноту, запах, звук воды и его.

Игорь остался в кабинке, прислонившись к холодной стене. В руке, судорожно сжатой, он всё ещё держал стаканчик с остывшим эспрессо, которое так и не выпил. Картон был смят. Где-то в кармане куртки жгло кожу острый уголок белого картона. Единственное вещественное доказательство в этом мире сантехники и хлорки, что всё это – её прикосновения, её боль, её ярость – не было галлюцинацией уставшего человека.

Точка невозврата была пройдена безмолвно, в тесноте, под шум воды. Теперь пути назад не существовало.

Глава 6: Грунт

Воздух в номере был спёртым и мёртвым. Не та свежая, колючая стужа Якутии, пробирающая до костей, и не влажный, насыщенный запахами кофе и духов воздух кафе. Здесь пахло старостью. Застоявшимся теплом от батареи, вмёрзшим в ворс рыжего ковра табачным дымом десятилетней давности, едкой хлоркой, которой пытались залить всё остальное, и под всем этим – сладковатым, тошнотворным духом тоски. Духом транзитных зон, комнат почасово, одиноких ночей между пунктами А и Б.

Игорь бросил сумку на пол. Не ту, с образцами, а свою походную, с немытыми вещами. Гостиница «Транзит» у Павелецкого вокзала была его привычным пристанищем в Москве. Узкая комната, похожая на купе поезда: кровать с продавленным матрасом, привинченный к стене столик, телевизор с пузырьём на экране, крошечный санузел, где ржавая вода сочилась из крана тонкой струйкой. Не дом. Но ему и не нужен был дом. Это было логово. Место, чтобы переждать, переварить город, прежде чем снова уйти в тишину.

Он включил свет – тусклая лампочка в потолочном плафоне отбросила жёлтые тени. Сел на край кровати, снял сапоги. Пальцы ног заняли, освобождённые от тесноты. Он сидел так несколько минут, глядя в стену, слушая гул города за окном – ровный, неумолчный, как шум далёкого водопада.

Потом встал, подошёл к столу. На нём лежало главное, единственное ценное, что он вёз с собой: прочный, заляпанный грязью, глиной и солевыми разводами рюкзак. Он расстегнул молнию. Внутри, аккуратно упакованные в газету и скотч, лежали образцы. Керны – цилиндры породы, извлечённые из глубин; сколы с яркими прожилками минералов; мешочки с песком разного гранулометрического состава; куски бурого угля. Камень. Мёртвая, древняя материя. Его язык, его работа, его оправдание.

Рядом с рюкзаком лежал полевой блокнот в прочном чёрном переплёте, потрёпанный, с загнутыми углами. Он открыл его. Первые страницы были заполнены точными, убористыми записями: координаты точек отбора, глубины, предварительные описания пород, схемы залегания пластов. Цифры, формулы, стрелочки. Язык науки. Язык порядка.

Но он перелистнул дальше. На оборотах страниц, между расчётами водопритока и таблицами, теснились другие строчки. Написанные тем же почерком, но другим языком. Стихи. Короткие, рубленые, как удары геологического молотка.

Ветер выедает буквы из скалы,
Остаётся шершавая кожа земли.
Я читаю её пальцами,
Пока свет не кончится.
Дорога – это шрам.
Таёжный след – глубже.

А тот, что от тебя —
Не зарос, и не болит.
Спит.
Неси меня, река,
Под белым льдом.
Здесь тишина гудит,
Как сердце в пустоте.
И я — кусок породы,
Темноты.

Это был его частный, никому не ведомый язык. Сейсмические колебания души, записанные сейсмографом шариковой ручки. Здесь не было места для длинных объяснений, для метафор. Только констатация. Камень. Ветер. Расстояние. Тишина.

И на этом столе, рядом с древними камнями и тайными стихами, лежало чужеродное тело. Маленький, острый прямоугольник глянцевого белого картона. Визитка. «Вертикальный сад». «Вероника Каменская». Логотип, телефон, адрес в стеклянной башне. Она лежала здесь уже неделю. Он не выбросил её. Он не спрятал. Он положил на видное место, как образец непонятной, тревожащей аномалии, которую нужно изучать.

Он не звонил.
Неделю.

Он пытался поступить логично, как поступал с любым ненужным, осложняющим жизнь фактором. Закопать. Как

закапывают отработанный, неперспективный шурф. Забросать землёй повседневности и забыть.

Он работал. Распаковывал образцы, раскладывал их на газете, чистил щёткой, подписывал. Начиная писать отчёт для института – сухой, технический текст. Он пил дешёвый виски из пластикового стаканчика, глуша им остатки адреналина и непонятного беспокойства. Он смотрел в потолок и пытался думать о будущем: о новой экспедиции на Таймыр, о заявке на грант.

Но память была сильнее логики. Она возвращалась не картинками, а ощущениями. Внезапным, как удар током, воспоминанием о том, как её шёлк рвался под его пальцами со звуком хлопка. О вкусе крови и соли на её губах. О том, как её идеально холодная кожа мгновенно вспыхивала жаром под его прикосновением. Огне. Живом, диком, настоящем, который бушевал под той зеркально-гладкой, мраморной поверхностью.

Она не вписывалась. Она была аномалией в его стройной, простой геологической карте жизни. На той карте были точки: база, маршрут, лагерь, скважина, институт. Были линии: дороги, трещины, разломы. Были цвета: коричневый земли, зелёный тайги, белый снега, серый камня.

Её не было на этой карте. Она была пятном яркого, ядовитого, непонятного цвета. Точкой, которая заставляла компас сходить с ума.

Он брал визитку в руки. Проводил пальцем по гляncу, по

рельефному логотипу. Острый уголок впивался в кожу. Он клал её обратно.

Он открывал блокнот на странице со стихами, написанными, как он теперь понимал, о ней. О том шраме, что не болит, но и не зарос.

Он не звонил. Но и не мог выбросить. Он застрял в подвешенном состоянии, как образец породы, зажатый между двумя пластами: своим прошлым, которое внезапно ожило, и своим настоящим, которое больше не казалось таким уж незыблемым и достаточным.

За окном горел неоновый свет вывесок. Где-то там, в этом чужом, давящем городе, была она. Вероника. Статуя с огнём внутри. И он, человек, привыкший иметь дело только с тем, что можно пощупать, взвесить и описать, не знал, что делать с этой аномалией. Никакая щётка не могла её очистить. Никакой отчёт – объяснить.

Глава 7: Давление

Понедельник начался, как всегда. Ровно в семь тридцать вибрация умного будильника. Душ. Крем. Тонкая подводка глаз, идеально подчёркивающая разрез. Костюм – тёмно-синий, шерсть с кашемиром. Каблуки, не слишком высокие, но безупречные. Чашка эспresso на идеальной кухне с панорамным окном. Взгляд на город, залитый утренним солнцем. Всё как всегда.

И всё – сплошная, оглушительная ложь.

Неделя превратилась в пытку. Ад, выстроенный из минут, каждая из которых тянулась, как резина. Она функционировала. Это было самое ужасное – её тело, её голос, её лицо выполняли программу с безупречной точностью робота. Автопилот.

Она вела встречи в стеклянной переговорной «Вертикального сада». Говорила внятно, аргументированно, подкрепляла слова графиками на огромном экране. Клиенты кивали, коллеги делали пометки. Она улыбалась в нужных местах – лёгкая, профессиональная улыбка. А внутри, под рёбрами, kloкотал и бился в истерике хаос.

Её разрывало надвое.

С одной стороны – всепоглощающий, тошнотворный стыд. Он подкатывал комом к горлу в самые неожиданные моменты: когда она протягивала визитку новому партнёру

(белый картон, совсем как тот...), когда поправляла блузку (шёлк, а под ним – невидимое пятно воспоминания), когда проходила мимо уборной в офисе. Стыд шептал ей на ухо тонким, ядовитым голосом: Ты, Вероника Каменская, владелица бюро, женщина, выстроившая себя из ничего... в туалете кафе. В мужском туалете. Как последняя шлюха. Ты бросилась на него, как животное. Его видели. Его могли узнать. О тебе могут узнать. Ты унизила себя до уровня грязи под каблуками.

Этот стыд был холодным и тяжёлым, как свинцовый плащ. Он заставлял её выпрямлять спину ещё прямее, отточеннее, леденеть изнутри.

А с другой стороны – неутолимая, постыдная, животная жажда. Она была горячей, пульсирующей, живущей где-то в самой глубине живота. Жажда не просто секса. Жажда того самого землетрясения. Той грубой, бездумной, стихийной силы, что снесла все её барьеры за пять минут. Жажда снова почувствовать ту ярость, ту боль, тот вкус крови и пота, то полное, абсолютное исчезновение контроля. Когда не нужно думать, быть правильной, быть сильной. Когда можно просто быть. Плотью. Животным. Им.

Эти два чувства боролись внутри неё, не давая ни секунды покоя. Стыд кричал: «Забудь! Сожги эту визитку в памяти!» Жажда стонала: «Позвони ему сама. Найди. Повтори».

И между этим – телефон.

Он лежал на столе во время совещаний. Молчал в сумке

во время делового ланча. Мерцал экраном у кровати глубокой ночью. Она не выпускала его из поля зрения. Её ритуал стал патологическим: взгляд на часы, незаметное движение рукой, проверка экрана. Ничего. Ни звонка, ни сообщения. Только рабочие письма и уведомления из соцсетей, которые казались теперь вопиюще пустыми.

Контроль, её главное оружие и её крепость, дал трещину. А там, где трещина, прорастало безумие.

Он посмел не позвонить.

Эта мысль стала навязчивой. Она крутила её вечерами, в одиночестве просторной квартиры. Он взял её вызов – этот острый уголок визитки, брошенный ему, как перчатка, – и проигнорировал. Он счёл её недостойной даже ответа. Или... он просто забыл? Спутал с одной из многих? Последнее было хуже всего.

Она то хотела, чтобы он исчез навсегда, растворился, как кошмар. Чтобы эта аномалия перестала тревожить её отлаженную жизнь. То её захлёстывала слепая ярость. Как он смеет? Кто он такой, этот замызганный геолог с пустыми карманами, чтобы игнорировать её, Веронику? Она представляла, как набирает его номер (его номер был на визитке, она помнила его наизусть, хотя ни разу не позвонила) и кричит в трубку всё, что думает. Но кричала она только внутри.

Её идеальный мир – мир расписаний, контрактов, дорогого вина, восхищённых взглядов, безупречного стиля – вдруг стал клеткой. Прекрасной, удобной, но клеткой. Воздух в

ней казался спёртым. Каждая деталь интерьера, каждый комплимент Артёма, каждый новый заказ – всё напоминало ей о том, что она заперта. В роли, которую сама же и создала.

А она сама... она чувствовала себя загнанным зверем. Хищником, который метнулся за добычей, упустил её и теперь не может успокоиться, мечется по привычной территории, но чует в воздухе лишь призрак того, настоящего запаха. Запаха опасности, свободы, его кожи, хлорки и крови. Он стоял в ноздрах, навязчивый и неуловимый, отравляя всё остальное.

В пятницу вечером, стоя перед зеркалом в ванной и стирая безупречный макияж, она поймала своё отражение. Глаза смотрели на неё незнакомой, измученной женщиной. В них не было ни мраморной глади, ни холодного блеска. Была трещина. Глубокая. Идущая от самого сердца.

Она поняла, что прошлая жизнь, жизнь до того вечера в кафе, кончилась. А новая – эта жизнь в аду двойного чувства, в тюрьме ожидания и стыда – была невыносима. Что-то должно было произойти. Либо он позвонит, и землетрясение повторится. Либо она сойдёт с ума. Третьего, как выяснилось, не дано.

Глава 8: Звонок

Воскресный вечер вытягивался во что-то тягучее и безвкусное. Вероника пыталась читать отчёт по эффективности за квартал – цифры плясали перед глазами, не складываясь в смысл. Винный бокал, полчаса назад наполненный дорогим бордо, стоял нетронутым. Телевизор молчал. В огромной, безупречно стильной гостиной было тихо настолько, что слышался гул в собственных ушах. И под этим гулом – навязчивый, назойливый звук из прошлого: шум воды из невыключенного крана в туалетной кабинке.

Неделя.

Семь дней ада. Семь дней раскола. Семь дней, когда она балансировала между желанием стереть тот вечер наждачной бумагой памяти и жаждой, которая сводила скулы.

Она уже почти убедила себя, что он не позвонит. Что всё это было галлюцинацией на фоне стресса. Что её вызов – визитка, брошенная в карман, как вызов, – был проигнорирован, потому что не представлял никакой ценности. Эта мысль, самая горькая, начинала казаться единственно верной.

И тогда зазвонил телефон.

Не её рабочий, с мелодией Vivaldi's Spring. Личный. Лежавший на стеклянном столе рядом с бокалом. Экран вспыхнул холодным синим светом в полумраке комнаты. Незнако-

мый номер. Московский, мобильный.

Сердце в груди не забилося чаще. Оно остановилось. На долю секунды всё внутри оборвалось, замерло, превратилось в вакуум. Потом оно рвануло с такой силой, что в висках застучало. Рука, абсолютно сухая и холодная, потянулась к аппарату. Движение было медленным, почти нереальным, как во сне.

Она взяла трубку. Поднесла к уху. Не сказала «Алло». Просто вдохнула тишину в ожидании.

«Вероника».

Голос в трубке ударил её, как физический толчок. Низкий. Хриплый, будто простуженный или прошедший через дым и долгое молчание. Без предисловий. Без «привет», «здравствуй», «извини, что беспокою». Просто её имя. Произнесённое так, будто он не звонил, а стоял за её спиной и коснулся плеча.

Молчание с её стороны длилось вечность. Ей не хватало воздуха, чтобы вытолкнуть из себя хоть звук. Внутри всё сжалось в тугую, болезненный комок.

«Да».

Это слово вырвалось хриплым шёпотом.

«Это Игорь».

«Я знаю».

Ответ был мгновенным, резким, почти агрессивным. Она не собиралась притворяться. Не собиралась играть в светские игры. Они давно вышли за эти рамки.

Пауза после её слов повисла в пространстве, тяжёлая, густая, наполненная невысказанным. Она слышала его дыхание в трубке – ровное, немного шумное. Слышала, как где-то у него на заднем плане хлопнула дверь. Мир за пределами этого разговора продолжал существовать, и это казалось невероятным.

И тогда его голос снова, ещё более сжатый, почти военный:

«Встретиться. На нейтральной».

Это не было вопросом. Не было предложением. Это был ультиматум. Или просьба, завернутая в броню. Они не говорили «как дела», «что нового». Не было места для этого лицемерия. Это были переговоры двух шпионов после провала первой операции. Переговоры на языке намёков и недомолвок, где каждое слово могло быть последним.

«Нейтральная территория». Не кафе, где их могли увидеть. Не её офис – её цитадель. Не его убогая гостиница – его логово. Что-то вне их миров. Условно чистая полоса.

«Где?» – спросила она, и её голос прозвучал чужо-ровно, деловито.

Он назвал адрес. Неприметная гостиница бизнес-класса в районе, где не было ни её клиентов, ни его знакомых. Время – завтра, вечером.

«Хорошо», – сказала она. Одним словом. Без колебаний. Без уточнений.

Пауза. Казалось, он что-то хочет добавить, но передумал.

«До завтра».

И связь прервалась. Короткие гудки. Экран погас.

Вероника медленно опустила телефон. Опустила его на стеклянную столешницу, но пальцы не сразу разжались. Она сидела совершенно неподвижно, глядя в темноту за окном. В ушах ещё стоял эхо его голоса – низкого, хриплого, безжалостно прямого. «Вероника». «На нейтральной».

И тогда, только тогда, когда разговор закончился и решение было принято, её накрыло. Сначала – ледяная волна, пробежавшая по коже мурашками. Потом – жар, подступивший к лицу. И наконец – знакомое, всепоглощающее ощущение, от которого свело живот.

Земля снова уходила из-под ног.

Она не чувствовала опоры. Не чувствовала дна. Семь дней она балансировала на краю, а теперь он позвонил, и она шагнула вперёд. В пустоту. В неизвестность. В «нейтральную территорию», где не действовали правила её мира, но и его законы были ей неведомы.

Завтра. Всего лишь завтра. Она подняла дрожащие руки и закрыла ими лицо. В темноте под ладонями не было ни стыда, ни ярости. Была только оглушительная, всепоглощающая тишина перед новым землетрясением.

Глава 9: Нейтральная территория

Номер был таким, каким он его и описал – безликим и чистым. Гостиница эконом-класса в деловом квартале, где селились одинокие коммивояжеры и пары, которым некогда больше пойти. Всё здесь было функциональным и бездушным: серая односпальная кровать с плотно натянутым покрывалом, прикроватная тумба со светильником, бросавшим жёлтое пятно света на потолок, письменный стол, телевизор на кронштейне. Из окна открывался вид на тёмный фасад соседнего офисного центра, где в некоторых окнах горел тусклый свет дежурной уборки. «На вымышленное имя», – сказал он. Здесь они были никем. Только он и она.

Она пришла ровно в назначенное время, поднялась на лифте, нашла номер. Перед тем как постучать, сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в коленях. Стукнула костяшками пальцев – тихо, но чётко.

Дверь открылась почти мгновенно, будто он стоял за ней всё это время. Игорь. В чистой, но всё той же немодной, потрепанной на вид клетчатой рубашке и тёмных штанах. Он отступил, пропуская её внутрь, не говоря ни слова.

Войдя, она ощутила тот же спёртый, стандартный воздух, что и в его логове у вокзала, только без шлейфа безнадежности. Здесь пахло нейтрально. Ничего личного.

Она стояла посреди комнаты, всё ещё в своём рабочем

доспехе: строгий чёрный пиджак, шёлковая блузка-рубашка, юбка-карандаш, туфли-лодочки. Он был напротив, у письменного стола, опираясь о него ладонью. Между ними лежало не просто пространство комнаты. Лежали километры невысказанного. Десять лет. Неделя мучительного молчания. Ярость их первой встречи. Весь этот груз давил на них, делая воздух густым, как сироп.

Они не здоровались. Не улыбались. Стояли и смотрели друг на друга, как два противника перед дуэлью, оценивая изменения, ища слабые места. В его глазах не было прежней готовой ярости. Была тяжёлая, усталая настороженность. В её – ледяная собранность, за которой пряталась та же всепоглощающая внутренняя буря.

Медленное обнажение началось без предупреждения. Он оттолкнулся от стола и сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Она не отступила. Он остановился в сантиметре от неё, и она почувствовала исходящее от него тепло.

Его руки поднялись. Большие, с широкими ладонями. Они не схватили её, не притянули грубо. Они приступили к работе. Пальцы нашли пуговицы её пиджака и медленно, одну за другой, расстегнули их. Движения были неторопливыми, методичными, почти что научными. Он стянул пиджак с её плеч и бросил его на стул, не глядя.

Затем перешёл к блузке. Шёлк был тонким, пуговицы – маленькими. Он справился с ними так же аккуратно. Материал разошёлся, обнажив чёрное кружево бюстгальтера и

полоску идеально гладкой, бледной кожи живота. Он не торопился. Его глаза изучали её лицо, следя за каждой реакцией. Она позволила ему это, замершая, лишь её грудь тяжело вздымалась при дыхании. Она видела в его взгляде не страсть, а исследование. Он изучал её, как изучал бы незнакомый образец горной породы, ища знакомые включения.

Затем он взялся за собственную одежду. Снял рубашку одним резким движением через голову. Не было ни стеснения, ни кокетства. Простота человека, привыкшего к спартанским условиям, к раздевалкам в полевых лагерях, к своему телу как к инструменту, а не украшению.

И тогда, в тусклом свете лампы, открылась карта их тел. Карта, составленная из двух абсолютно разных ландшафтов.

Он. Его тело было высечено не в спортзале, а самой жизнью. Мускулы на плечах и спине были плотными, рельефными от постоянной физической работы – ношения рюкзаков, бурения, рубки льда. Кожа на всём теле – шершавая, загорелая до глубокого бронзового оттенка, тёплая на ощупь, как нагретый камень. И на этой коже – сеть белых шрамов. Длинный, тонкий рубец вдоль ребра (порез острым сколом сланца). Неровное пятно на предплечье (старый ожог от раскалённого троса). Следы обморожения на пальцах, похожие на причудливые белые звёзды. Его руки, которые теперь медленно опустились вдоль тела, были жилистыми, с выпуклыми венами и мозолями на ладонях и у основания каждого пальца.

Она. Её тело было другим творением. Кожа – идеально гладкая, будто отполированная, почти фарфорово-белая, за исключением лёгкого загара на лице и руках. Ухоженная, лишённая каких-либо следов физического труда, кроме, пожалуй, едва заметной стянутости в плечах от постоянной работы за компьютером. Она была прекрасна в этой холодной, безупречной законченности. И холодной на ощупь. Когда он, наконец, коснулся её, проведя тыльной стороной ладони по её обнажённому плечу, она вздрогнула – его прикосновение было обжигающе тёплым.

Его взгляд скользнул вниз, к основанию её шеи. Там, под левой ключицей, была маленькая, едва заметная родинка. Коричневая точка, которую он помнил. Её глаза встретились с его, и в них на миг промелькнуло что-то невысказанное: Ты помнишь.

Он медленно обнял её, притянув к себе. Не для поцелуя. Чтобы согреть. Его большие, шершавые, тёплые ладони легли на её спину, на холодную кожу, и начали медленно, круговыми движениями, согревать её. Как оттаивают промёрзшую землю ранней весной, терпеливо, сантиметр за сантиметром. Под его прикосновениями её плоть постепенно оживала, наполнялась теплом, мурашки пробегали по коже. Она прикрыла глаза, позволив голове упасть ему на плечо. Вдыхала его запах – чистого мыла, мужского пота и чего-то глубинно-земляного, минерального.

Безмолвный диалог длился вечность. Он водил пальцами

по её позвоночнику, ощущая подушечками каждое ответное напряжение мышц. Она, в свою очередь, подняла руки и прикоснулась к его спине, скользя ладонями по рельефу лопаток, чувствуя под кожей живую, упругую силу. Её пальцы нашли один из шрамов, и она задержалась на нём. Откуда? – спрашивало её прикосновение. Неважно, – отвечала его спина, не отстраняясь.

Он искал в её тепле, в её реакциях, следы той девушки – дикой, смеющейся, не боящейся грязи и дождя. Она в его твёрдости, в его тихой, неустрашимой силе искала подтверждение, что тот мир – мир костров, палаток и бескрайней тайги – был реален. Что это не было сном её юности.

Когда губы, наконец, встретились, это не был захват. Это было слияние. Медленное, глубокое, исследующее. В нём не было прежней ярости. Была жажда, неторопливая и всепоглощающая. Он снял с неё остатки одежды так же методично, как и начал, а затем поднял её на руки и отнёс к серой, безликой кровати.

Там, в пятне жёлтого света, под приглушённый гул московского вечера за окном, продолжилось их безмолвное исследование. Каждое прикосновение было вопросом. Каждый ответный вздох или содрогание – ответом. Они не говорили. Им не нужны были слова. Их тела, наконец, начали вести долгий, отложенный на десять лет разговор. Разговор на языке кожи, тепла, памяти и боли, понятном только им двоим. И под холодной поверхностью её «мраморной глади», под гру-

бой коркой его «каменной» жизни, они оба начали чувствовать одно и то же: живой, пульсирующий, общий пласт. Ещё не раскрытый, но уже найденный.

Глава 10: Керн

Близость на этот раз была иной. Не землетрясение, сметающее всё на своём пути. Не взрыв. Это было бурение. Медленное, глубокое, сосредоточенное продвижение вглубь. Почти молчаливое.

Не было той ярости, что рвала одежду в тесной кабине. Не было сведения счётов. Была тихая, отчаянная попытка докопаться. До сути. До того ядра, той искры, что когда-то зажглась между ними и, как они оба теперь понимали, не погасла, а лишь была погребена под наслоениями лет, обид, молчания и чужих жизней.

Каждое движение было осознанным. Каждое прикосновение – вопросом, направленным не к телу, а сквозь него. Он входил в неё медленно, погружаясь, как бур в породу, чувствуя сопротивление и тепло. Их взгляды были скреплены, и в его глазах, в упор смотрящих на неё, она видела не страсть, а то же самое вопрошающее исследование: Ты ли это? Тот же самый человек под этим слоем мрамора?

Она отвечала ему не словами, а тем, как обвивала его ногами, как её тело, сначала холодное и напряжённое, постепенно растекалось, раскрывалось, принимая его полностью. Это было не покорение, а признание. Признание его права быть здесь. В ней.

Их дыхание смешалось в один тяжёлый, влажный ритм.

Не было стонов, криков. Только прерывистые, сдавленные выдохи, шёпот кожи о кожу, скрип пружин кровати под их общим весом. Это был самый откровенный и самый молчаливый разговор в их жизни.

Пик наступил не взрывной волной, а глубокой, долгой внутренней дрожью, прокатившейся от одного тела к другому, как отголосок далёкого подземного толчка. Они замерли, слившись воедино, пока последние судороги не утихли, оставив после себя тишину, наполненную гулом в ушах и стуком двух сердец, пытавшихся найти общий ритм.

Сумерки в номере сгустились до темноты. Они лежали на спине, плечом к плечу, не касаясь друг друга, уставившись в потолок, где свет от уличных фонарей рисовал бледные разводы.

Первым нарушил тишину он. Голос хриплый, тихий, будто из другого измерения.

«На Колыме, в прошлый раз, северное сияние было зелёным, как ядовитый газ. Держалось три часа. Тишина такая, что слышно, как снежинки падают на парку».

Она не повернула голову. Смотрела в потолок.

«На прошлой неделе был тендер. Мой менеджер, представляя проект, перепутал слайды. Вместо схемы орошения вывел фото своего кота. Все делали вид, что так и надо».

Он фыркнул. Коротко, беззвучно.

«Глупый кот?»

«Упитанный. Рыжий».

Разговор обрывками. Они говорили о мелочах. Осторожно, как по минному полю, где каждая неверная тема – прошлое, причины расставания, их нынешние жизни – могла взорваться. Он – о красоте замёрзших рек, о вкусе концентрата борща из пакета в двадцатиградусный мороз. Она – об абсурде корпоративных тимбилдингов, о вкусе безвкусного капкейка на одном из приёмов.

Их слова витали в прохладном воздухе комнаты, легкие, невесомые, незначущие, не касающиеся главного. Язык их умов договорился молчать. Было табу.

Но тела помнили всё.

Когда через полчаса тишины она повернулась на бок, её рука непроизвольно потянулась и нашла своим местом не гладкий бок, а неровный, длинный шрам на его рёбрах. Тот самый, от осколка сланца в Саянах десять лет назад. Её пальцы обвели его контур, уже не спрашивая. Просто констатируя: Он на месте.

Он не отстранился. Его рука, лежавшая на одеяле, через минуту поднялась и, вроде бы случайно, коснулась её виска, поправив выбившуюся прядь пепельных волос. Такое же движение он делал всегда, когда они засыпали в тесной палатке, и ветер с дождём забивал ей волосы в лицо.

Позже, когда она задремала, он, ещё в полусне, потянулся и накрыл ладонью её плечо, будто проверяя, не замёрзла ли. А она, во сне, придвинулась к его теплу, уткнувшись лбом в его плечо, в ту самую точку, что была её привычным местом

когда-то.

Прошное жило не в их головах. Оно жило в мышечной памяти, в тактильных отпечатках, в бессознательных жестах, переживших все бури и все расставания. Их умы могли строить баррикады, но их тела знали правду. Они узнавали друг друга. На клеточном уровне.

Она ушла перед рассветом, как вор. Поднялась с кровати бесшумно, пока он лежал с закрытыми глазами, ровно дыша. Оделась в темноте, на ощупь. Не включала свет. Не оглядывалась на кровать. Не сказала «до свидания». Просто открыла дверь и вышла в пустой, освещённый неоновым светом коридор. Шаги её каблуков по линолеуму прозвучали как последние удары отбойного молотка.

Игорь открыл глаза, когда щёлкнул замок. Он лежал и смотрел в потолок, теперь совсем тёмный. Воздух в комнате всё ещё был пропитан её запахом – дорогих, холодных духов, смешанных с их общим потом и сексом. Запах был на подушке рядом.

Они не договорились о следующей встрече. Не обменялись номерами по-настоящему. Не построили планов.

Но оба, каждый на своём конце только что порванной нити, понимали одно: скважина была пробурена.

Первый, самый трудный проход сделан. Бур прошёл через верхние, мёрзлые, заваленные мусором наслоения лжи, гордости и времени. И зацепился за что-то. За тот самый керн – цилиндрический образец их общего прошлого, их неразде-

лённой боли и невысказанной правды.

Процесс пошёл. Теперь это «что-то» будет неотвратно вытягивать их на поверхность. Слой за слоем. Больно, грубо, с обвалами и осложнениями. Остановить бурение уже нельзя. Можно только пытаться контролировать его – и жить в страхе перед тем, что же в итоге окажется в этом керне, когда его полностью извлекут на свет.

Он перевернулся на бок, к тому месту, где ещё хранило тепло её тело. Нейтральная территория, на которую они так надеялись, перестала существовать в ту секунду, когда она переступила порог этой комнаты. Теперь была только война или мир. Правда или окончательный разрыв. Третьего не дано.

А где-то в лифте, спускавшемся в пустой холл, Вероника, прислонившись лбом к холодной стене кабины, думала ровно о том же. И её охватывал не страх, а странное, пугающее чувство обречённого спокойствия. Как у геолога, который, наконец, получил первый образец с глубины и теперь со смешанным чувством надежды и ужаса ждёт, что же покажет лабораторный анализ.

Бурение началось. Обратной дороги не было.

Глава 11: Ритм

Сообщение пришло в разгар совещания. Вибрация в кармане пиджака, короткая и точная, как укол. Вероника не дрогнула. Продолжала смотреть в глаза финансовому директору, кивнула в ответ на его цифры, сделала пометку в планшете. Идеальная мимика руководителя, поглощённого процессом.

Внутри всё оборвалось и замерло.

Она выдержала ещё двадцать минут, пока не завершили обсуждение квартального бюджета. Только когда последний сотрудник вышел из переговорной, она позволила себе вынуть телефон. Экран заблокирован. Она разблокировала его отпечатком пальца, который чуть дрожал.

СМС. Неизвестный номер.

Гостиница «Азимут». 607. 20:30.

Ни приветствия, ни подписи. Только координаты и время. Как зашифрованная депеша. Номер телефона каждый раз новый, купленный, как она предполагала, в первом попавшемся салоне связи за наличные.

Новая норма. Хрупкая, нигде не прописанная, существующая в вакууме между их двумя мирами.

Она не ответила. Не было необходимости. Её явка была условием их молчаливого контракта. Она отправила короткое сообщение личному ассистенту: «Перенеси мои вечер-

ние встречи. Личные причины». «Личные причины» – эвфемизм, которого раньше не существовало в её лексиконе.

Их связь была чистейшим, концентрированным побегом. На два, от силы три часа они переставали быть собой.

Отель «Азимут» был одним из звеньев в этой цепи безликих убежищ – чистый, тихий, с нейтральными интерьерами «под орех» и звукоизолированными дверями. Регистрация – на вымышленное имя, оплата – её наличными, которые она оставляла в конверте в его рюкзаке, пока он был в душе. Деньги были ещё одним произнесённым правилом. Он яростно отказывался сначала, но она настаивала с холодной настойчивостью: «Я вызываю такси. Я заказываю эту комнату. Не усложняй».

Войдя в номер ровно в 20:28, она находила его уже там. Он стоял у окна, спиной к двери, глядя на вечерний город. Не в своей потрёпанной рубашке, а в простой тёмной футболке и таких же тёмных штанах. Купленных, как она понимала, на те же её деньги. На эти несколько часов он сбрасывал с себя не только одежду, но и кожу «замызганного геолога с тоской в рюкзаке». Здесь не было места рюкзакам, образцам пород, запаху дешёвого виски и вокзальной тоски.

А она, в свою очередь, расстёгивала пряжку ремня, сбрасывала туфли-лодочки, позволяла падать на стул пиджаку от костюма за пять тысяч евро. Она переставала быть «закованной в мрамор и стресс Вероникой Каменской», директором, переговорщицей, живым активом компании. Она ста-

новилась просто женщиной. Которая ждала этого всю неделю.

Правила игры оставались незыблемыми.

Они не говорили о прошлом. Ни слова о Саянах, о том, что было десять лет назад, о причинах разрыва. Это поле было заминировано, и они обходили его за версту.

Они почти не говорили о настоящем. Ни о её работе (он задавал косые, пренебрежительные вопросы о «стеклянном дворце»), ни о его планах (он отмалчивался). Их диалоги были кратки, как радиопереговоры в зоне плохой связи.

– Холодно сегодня.

– Да. Дождь обещали.

– Ужинал?

– Нет.

И всё. Этого было достаточно.

Их общение – это были островки тишины между взрывами страсти. Тишина стала для них отдельным языком. Они научились читать её оттенки. Молчание ожидания у двери. Молчание усталости после, когда они лежали, глядя в потолок, и слушали, как затихает город. Молчание взаимного изучения, когда его пальцы медленно скользили по её спине, а её взгляд блуждал по знакомым шрамам на его руках.

Они изучали не только тела, но и молчание друг друга. Она узнала, что его тишина бывает разной: сосредоточенной, устало-тяжёлой, редко – спокойной. Он, в свою очередь, начал различать, когда её молчание – это броня, а когда – про-

сто усталость от необходимости постоянно быть натянутой струной.

Она ловила себя на том, что начинает жить от встречи до встречи. Среда. «Номер 414. 20:00». Пятница. «Отель „Нева“. 21:00». Эти лаконичные строчки стали точками опоры в её календаре, забитом совещаниями, перелётами и деловыми ужинами. Эти несколько часов были как глоток чистого, холодного воздуха после удушья в скафандре её собственной жизни.

Но побег имел свою цену. И платила за него её реальная жизнь.

Трещины в мраморе стали появляться. Мелкие, почти невидимые, но для неё – кричаще очевидные.

На планерке в среду она на секунду запнулась, представляя новый проект ландшафтного парка. В голове вместо цифр бюджета мелькнуло воспоминание: его ладонь на её бедре в полутьме номер накануне. Она сбилась, сделала глоток воды, продолжила – но коллеги обменялись короткими взглядами. Неловкое молчание длилось доли секунды.

Она отложила подписание важного контракта, сославшись на необходимость «проверить последние расчёты». На самом деле, в тот день пришло его сообщение, и она провела час, просто глядя в окно, не в силах сосредоточиться на цифрах.

Её знаменитая «ледяная аура» – тот щит безупречной собранности и холодной уверенности, что заставлял трепетать

подчинённых и конкурентов – дала сбой. В её взгляде появилась рассеянность. В движениях – едва уловимая задумчивость, замедленность.

Артем, её партнёр, заметил. За ужином в дорогом ресторане он положил руку на её запястье:

– Ты какая-то далёкая в последнее время. Устала? Может, взять отпуск?

Она отстранила руку под предлогом, что поправляет салфетку.

– Просто сложный квартал. Всё в порядке.

Но всё было не в порядке. Её мир, выстроенный с таким трудом, отлаженный до мелочей, как швейцарские часы, начал давать сбои. И виной тому был ритм. Тот хрупкий, не прописанный ни в одном календаре ритм, что отстукивался СМС с незнакомых номеров и отсчитывал время между их встречами.

Она стояла одна в своём кабинете после ухода Артема, глядя на ночной город за панорамным окном. Где-то там, в одной из безликих коробок «Азимута» или «Невы», он ждал её. На несколько часов она могла забыть, кто она. Но каждый раз, возвращаясь в этот кабинет, в эту жизнь, она понимала всё яснее: побег затягивается. А трещины имеют свойство расти.

Глава 12: Предложение

Тишина после всегда была особенной. Не пустая, а густая, наполненная эхом только что отгремевшей бури тел, дыханием, постепенно приходящим в норму, теплом кожи, медленно остывающей под тонким гостиничным одеялом.

Вероника лежала на спине, глядя в потолок, где свет от уличного фонаря за окном рисовал размытое пятно. Его рука лежала на её животе, тяжёлая, неподвижная, как якорь. Так они лежали уже минут двадцать, погружённые в своё привычное, комфортное молчание.

Именно в этот момент, когда границы между ними снова начали сгущаться, она нарушила неписаное правило. Не поворачивая головы, глядя в тот самый световой круг на потолке, она заговорила. Голос был ровным, без эмоций, будто она размышляла вслух.

«У тебя глаз на рельеф и породы».

Игорь не шевельнулся. Но она почувствовала, как его ладонь на её животе на мгновение замерла.

«У нас клиенты постоянно сталкиваются с непредвиденными грунтовыми водами, плывунами, сложными почвами на участках под застройку», – продолжила она всё тем же отстранённым тоном. – «В прошлом году одна девелоперская компания из-за плохого инженерно-геологического анализа потеряла на укреплении склона и осушении почти тридцать

миллионов. Просто выкинула в грязь».

Она сделала паузу, дав цифрам повиснуть в воздухе. Потом медленно повернула голову на подушке. В полумраке его лицо было скрыто тенью, но она знала, что его глаза открыты и смотрят в ту же точку на потолке.

«Мне нужен начальник отдела ландшафтного и геологического анализа».

Теперь её голос приобрёл иное качество. Мягкость и рассеянность исчезли. В нём зазвучали стальные нотки Вероники Каменской, директора. Она приподнялась на локте, чтобы видеть его лицо. Её глаза в скупом свете из окна были серьёзны, чётки, абсолютно деловые.

«Чтобы оценивать участки до того, как мы вложим в них дизайн и деньги. Чтобы читать землю, как ты умеешь. Видеть трещину под травой, чувствовать воду под слоем глины. Чтобы предотвращать риски, а не разгребать последствия».

Она не моргала, глядя на него.

«Это работа. На полную ставку. Хорошо оплачиваемая. С кабинетом. Соцпакетом. Всеми этими... корпоративными плюшками».

Реакция Игоря была мгновенной и примитивной. Внутренний рык. Абсурд. Глумление. Почти оскорбление.

Его мир пах смолой, хвоей и порохом от костра. Звучал шелестом тайги, скрипом льда под ногами, тишиной, нарушаемой только криком птицы. Он измерялся километрами, глубиной скважин, весом рюкзака. Его орудия – молоток, бу-

рав, крепкие руки.

Её мир... Он брезгливо окинул его взглядом, стоя в том самом «стеклянном дворце» неделю назад, когда заносил ей какие-то бумаги. Это был мир искусственного света, кондиционированного воздуха, тихого гула оргтехники. Он пах дорогим кофе, новой мебелью и страхом. Звучал приглушёнными голосами из переговорных, щелчками клавиатур, лживыми интонациями. Его орудия – слова в договорах, цифры в презентациях, острые каблуки и холодные улыбки.

«Игра в бисер». Бессмысленное, выхолощенное действо для тех, кто боится настоящего ветра, настоящей грязи, настоящей опасности. Он презирал его всей душой. Презирал этих вылощенных мужчин в обтягивающих пиджаках и женщин с пустыми глазами, говорящих на языке, который ничего не значил.

Как она могла даже подумать, что он... что он впишется в это? Станет одним из них? Наделёт пиджак и будет сидеть в стеклянной клетке, созерцая такие же стеклянные коробки за окном?

Ярость, горькая и знакомая, подкатила к горлу. Он уже открыл рот, чтобы выплеснуть её. Чтобы сказать что-то резкое, грубое, что навсегда поставит точку в этом безумии.

И в этот момент до него дошло.

Он посмотрел на её лицо. На её серьёзные, лишённые кокетства глаза. Она не шутила. Она не издевалась. Она делала ему предложение.

Истинный смысл ударил его, как обвал.

Это была не просто работа. Не способ заработать деньги (хотя и это тоже). Это был пропуск. Легальный. Социально приемлемый. Уважительный в глазах этого бисерного мира.

Единственный способ быть рядом не два часа в неделю в безликой гостинице. А каждый день. Видеть её не только распутившей волосы на смятой простыне, но и за рабочим столом. Слышать её голос, отдающий распоряжения. Дышать одним воздухом. Иметь законный повод звонить, писать, встречаться. Пусть даже в роли подчинённого. Пусть даже через призму служебной иерархии, которую он ненавидел.

Перспектива вернуться к прежнему ритму – к этим редким, украденным, тошнотворно-сладостным встречам, после которых он неделю ходил как пьяный, а она растворялась в своём безупречном мире, – эта перспектива вдруг показалась ему невыносимой. Узкой, душной, унижительной.

Внутренний конфликт скрутил его в тугой, болезненный узел.

С одной стороны – капитуляция. Продажа. Предательство всего, чем он был. Он будет вынужден играть по чужим правилам, носить маску, сдерживать каждое слово. Он станет частью машины, которую презирает. Он позволит ей купить его не только на несколько часов в неделю, но и на восемь часов в день. Это было постыдно.

С другой – ненависть к альтернативе. К жизни в ожида-

нии СМС. К тому, чтобы быть её грязным, постыдным секретом, выносимым на свет только под покровом ночи и под вымышленным именем. К вечному чувству, что он – призрак в её жизни, которого можно включить и выключить одним сообщением.

Он зажмурился. В висках стучало. Его рука, всё ещё лежавшая на её животе, сжалась в кулак, но не оторвалась. Он чувствовал под пальцами тёплую, гладкую кожу. Живую. Реальную. Ту самую, ради прикосновения к которой он, казалось, был готов на всё.

Он молчал. Долго. Тишина в номере стала звенящей, тяжёлой, как свинец.

Вероника не торопила. Она наблюдала за ним, за каждым мускулом на его лице, искаженном внутренней борьбой. Она видела презрение, ярость, отчаяние и – глубинную, животную потребность, которая в итоге перевешивала всё.

Он не сказал «да». Не кивнул. Не задал ни одного вопроса об обязанностях или зарплате.

Он просто не сказал «нет».

И в этой тишине, в этом тяжёлом, многослойном молчании, наполненном грохотом двух сталкивающихся миров, она получила свой ответ.

Переломный пласт был пройден. Бур упёрся во что-то новое, твёрдое и неотвратимое. Теперь предстояло решить, как через это пройти – с обвалом или с ювелирной точностью.

Глава 13: Чёрный ход

Это был не роман. Это была операция. И Вероника, отложив в сторону любовницу, превратилась в строгого, дотошного рекрутера и оперативного сотрудника, готовящего агента для внедрения.

Они встретились не в гостинице, а в тихом, полупустом кафе в деловом районе в восемь утра. Она пришла с папкой. Он – с чашкой чёрного кофе, который хмуро помещивал ложкой.

«Твоя легенда», – сказала она, не здороваясь, и положила перед ним несколько листов. – «Игорь Семёнович Семёнов. Тридцать пять лет. Опыт работы – гидрогеологические и инженерно-геологические экспедиции на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Последние пять лет – частные контракты по экспертной оценке территорий под застройку для региональных девелоперов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.